

*Размышления о перспективах реализации
политического проекта мультикультурализма
в постсоветском пространстве: да или нет?*

Карина Гарибян

Современный мультикультуралистский дискурс эпохи глобализации – признак «хорошего тона в приличном обществе»: в научном ли, в политическом ли и т.п. В то же время в России существует отчетливая идиосинкразия к риторике «мультикультурного общества»¹, как доказывает Владимир Малахов.

В чём причина подобного противоречия? Почему практика реализации официально исповедуемой в подавляющем большинстве западных стран идеологии мультикультурализма² сталкивается с очевидными «провалами» данной идеологии в России? Более того, вместо нее мы сталкиваемся здесь с ярко выраженной противоположной идеологией: с призывами к возвращению в лоно национального государства, понимаемого исключительно через призму традиционализма?

Фиаско практики реализации *melting pot* вряд ли у кого-либо вызывает сомнения. По видимости столь разные подходы, как ассимиляционистский, индифферентный к любому рода различиям и предполагающий отказ от поддержания собственной культуры и безоговорочное принятие культуры «большого общества», и сегрегационистский, исходящий из тезиса о нереальности глубокой интеграции и, тем самым, выстраивающий препоны на её пути, на наш взгляд, продиктованы одним и тем же представлением – представлением о нации как о гомогенной общности. Однако и в том, и в другом случае стремление к культурной однородности чревато маргинализацией и распадом общества на изолированные группы. Следовательно, нужно приложить все усилия, дабы не выплеснуть вместе с водой и младенца, а значит, разобраться, в чём состоят источники дискредитации и пути преодоления неизбежных издержек, порождаемых гипертрофированием или искажением значений, придаваемых адептами мультикультурализма парадигме культурного многообразия.

Поликультурность современных обществ – наличие разнородных субкультур и культурной неоднородности (особенно в мегаполисах), – не сводимая лишь к полиэтничности, – факт современной реальности, который на уровне повседневной жизни порождает проблемы, диктуемые необходимостью без-

отлагательного реагирования: ведь в каждом полиэтническом сообществе неизбежно возникает проблема толерантных межкультурных отношений, ибо результатом массовых этнических миграций в современном мире неизбежно становятся межэтнические контакты/конфликты мигрантов с представителями доминирующей и иных культурных групп.

Трансформационные процессы, протекающие на институциональном уровне в современных постсоветских обществах – будь то движение к так называемой демократизации или реванш авторитарных тенденций и т.п., – обусловившие разрушение и резкое изменение привычных социальных институтов, влекут за собой разрыв прежних социальных связей и неизбежно ведут к распаду существующего «образа мира», порождающему дезориентацию, аномию и потерю идентификации на уровне индивида, группы и общества в целом. Данное состояние предполагает поиск новых идентичностей, который состоит в дилемме: или реконструкция, или создание нового образа мира. Второй вариант, по видимости, кажется наиболее неизбежным: окружающая социально-экономическая реальность, предъявляя индивиду всё новые требования, требует и инновационного характера реагирования на вызовы действительности, естественным последствием которого становится освоение новых практик, новых поведенческих моделей, необходимых для существования в меняющемся мире. Этот процесс предполагает не просто овладение новыми знаниями и навыками, помогающими адаптироваться в изменившихся условиях, но трансформацию и формирование системы ценностей, адекватных изменившимся условиям.

Однако фундаментальное отставание в рефлексивной оценке реально происходящих трансформаций в определении векторов движения общества и желаемой его модели в будущем в условиях российской, и шире – постсоветской действительности, запустило механизмы стихийной ресоциализации, результатом которой становится возникновение большого разнообразия культурных моделей, в которых причудливо сочетаются элементы одновременно как старых, так и новых ценностей. Наличие большого числа разнородных локальных культур, среди носителей которых отсутствует консенсус даже относительно базовых ценностей и общих векторов социального транзита, порождает высокую дифференциацию и мозаичность современного российского и постсоветского культурного контекста, которые при благоприятных обстоятельствах, возможно, могли бы трансформироваться в мультикультурализм. Ведь диссенсус – естественный атрибут публичного дискурса множественной реальности³ – не есть отрицание поддержания «сообщества равных»; для официально исповедуемой во многих странах Запада идеологии мультикультурализма важен не столько момент вынужденного и институционально упорядоченного сожительства несхожих этносов и локальных культур, сколько осознанный принцип внутренней общности непохожих друг на друга, но родственных в человеческом естестве, в задачах экологического выживания и в гражданском общежитии людей.

Однако в постсоветских условиях запуск механизмов зарождения новых культурных форм, новых моделей социального, экономического и политического поведения, определяющего изменения и на глубинном уровне, – на уровне базовых ценностей культуры и бессознательных ментальных архетипов – противоречив и разнонаправлен. Почему? Потому что межкультурные отношения с их противоречиями, которые могут быть решены только на основании признания культурного многообразия и права культурных групп на сохранение своих отличительных особенностей (в частности, культур меньшинств, идущих вразрез с нормами доминирующей культуры), в постсоветских условиях понимаются исключительно как этнические. Этнизация социальных противоречий – в свою очередь – создаёт благодатную почву для этнического изоляционизма.

Дискурс этнических различий, этнизация и политизация экономических и правовых проблем блокируют анализ существующих социальных противоречий и дискредитируют искажённо интерпретируемый в российских и постсоветских условиях мультикультуралистский дискурс. К тому же поддержка и культивирование этнических различий часто могут приводить к конфликту между идеями, с одной стороны, расового и гендерного равенства, с другой – традициями этнических групп⁴. Как замечает Славой Жижек, «чрезмерная забота мультикультуралистских либералов о защите этнических прав иммигрантов явно обусловлена „вытесненным“ классовым измерением». Поэтому, по мнению Жижека, «решение состоит не в *разрушении границ и принятии всех желающих*, это просто пустое требование мягкосердечных либеральных радикалов. Единственное подлинное решение состоит в том, чтобы разрушить *настоящую* стену, не полицейскую, а социально-экономическую: изменить общество так, чтобы людям не нужно было в отчаянии пытаться убежать из своего собственного мира»⁵.

Мультикультуралистский идеал гражданской консолидации культурно плюралистического социума практически недостижим в современной постсоветской действительности, где отсутствует развитое гражданское общество, широкая сеть общественных связей, активность публичной сферы вне рамок контролируемой властью коммуникации: ведь только сети неформальных объединений и ассоциаций, а также социальные движения опосредуют взаимодействия приватной и публичной сферы, осуществляют функции медиации между обществом и властью. Только при развитом институте представительства общественность, имея в своих руках законодательную власть, могла бы влиять на характер государства. Предпосылками для этого должны были бы стать такие политико-правовые институты, как демократические выборы, референдумы, право на митинги и собрания, право петиций, право на организацию самого разного рода объединений и ассоциаций и т. д., которые не просто влияют на власть, но делают её зависимой от общества.

Но этот утопический идеал еще и потому невозможен в современных постсоветских условиях, что ему препятствует не только очевидное и нескрываемое урезание большинства форм прямой демократии – фактическая отмена губернаторских выборов, значительные препоны при организации митингов, пикетов и демонстраций, которые лишают общество возможности прямого волеизъявления, но и тот не столь очевидный и зачастую скрываемый факт, что современные технологии манипулирования общественным мнением, особенно в условиях подконтрольности основных СМИ, позволяют организовать практически *любое* настроение масс (в том числе и чреватое этническими конфликтами).

Как в этих условиях достичь социального капитала (слабость и специфичность которого в социальных группах мигрантов первого поколения кажутся естественными) следующим поколениям мигрантов с целью пересечения социальных водоразделов⁶, способствующей достижению «диссенсуального консенсуса»? В этом смысле мультикультуралистский дискурс предлагает вместо ассимиляционистских или сепарационистских политических стратегий интеграционистские. В то же время фактом современной реальности является то, что группы мигрантов требуют адресного подхода к решению проблем включения в принимающее сообщество⁷. Конечно, речь идет не о создании системы этнически специфицированных прав, а о той интеграции инокультурного населения, которая невозможна без мобилизации ресурсов социального государства: ведь продвижение в этом направлении напрямую связано с решением проблем бедности⁸. Такая политика требует значительной адаптации социальных институтов доминирующего общества – образования, здравоохранения, государственной службы – к потребностям малых групп с целью создания среды для диалога и взаимопроникновения различных жизненных стилей и культурных ориентаций в рамках единого коммуникационного пространства.

Однако возможна ли такая политика культурного многообразия для современной России? Если воспользоваться простой бинарной оппозицией «да» или «нет», метафорически вынесенной в название этих заметок, то я бы ответила, что скорее «нет», чем «да». К сожалению.

1 Малахов Владимир. «Мультикультурализм или интеграция», *Журнальный зал. Неприкосновенный запас*, 2002, № 5 (25).

2 См. типологию Ф.-О. Радтке, который выделяет мультикультурализм программно-педагогический, кулинарно-цинический, прагматически-хозяйственный и реактивно-фундаменталистский в: Радтке Ф.-О. «Разновидности мультикультурализма и его неконтролируемые последствия», *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ*, под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова (Москва: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002).

- 3 Рансьер Ж. *На краю политического* (М.: Праксис, 2006).
- 4 Okin, S.M. *Is Multiculturalism Bad for Women?* (Princeton: Princeton University Press, 1999).
- 5 Жижек С. «Некоторые политически некорректные размышления о насилии во Франции и не только», *Логос*, № 2 (53), 2006.
- 6 Foley M.W, Edwards B. «The Paradox of Civil Society», *Journal of Democracy*, 1996, vol. 7, № 3, p. 38–52.
- 7 Collett E. «One Size for All? Tailored Integration Policies for Migrants in the EU», *European Policy Centre Working Paper*, 2006, № 24.
- 8 Семененко И. «Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах», *Мировая экономика и международные отношения*, 2006, № 10–11.